

А.А. Кочубинский

Мы и они

(1711-1878). Очерки истории и политики славян

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Кочубинский**
Мы и они: (1711-1878). Очерки истории и политики славян / А.А. Кочубинский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 250 с.

ISBN 978-5-4241-7807-8

ISBN 978-5-4241-7807-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ, РУМЫНЫ

И

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ.

Глава 1. До карловицкаго мира (1699).

За сто съ лишкомъ лѣтъ до царя Петра Алексѣевича вопросъ о салтанѣ турецкомъ, о политическомъ значеніи Турціи въ жизни Европы былъ не новъ въ государствѣ московскомъ. За сто съ лишкомъ лѣтъ въ средѣ московской политики было выработано опредѣленно очерченное воззрѣніе на владычество турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ на владычество противуприродное, перечашее интересамъ спокойной государственной жизни въ Европѣ. Москва XVI даже вѣка и Россія XIX-го протягиваютъ другъ другу товарищескую руку.

Царь Іоаннъ Грозный входитъ въ союзъ «съ братомъ нашимъ дражайшимъ» Максимилианомъ, съ братомъ Рудольфомъ, чтобы быть имъ въ единичествѣ и противъ бесерменскихъ всѣхъ государей стоять за одинъ. Почему ити противъ бесерменскихъ государей, салтана турецкаго и хана крымскаго, вопросъ этотъ разрѣшался опредѣленно — изъ-за гнета турецкаго. Грозный братуется съ цесарями для того, чтобъ мусульманская рука впередъ на крестьянъ не высылалася, кровь бы крестьянская не розливалася, крестьянство-бъ въ тишинѣ и въ

покоѣ было и выслобожено изъ рукъ мусульманскихъ ¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнiя относительно смысла послѣдняго выраженiя—крестьянство бы было выслобожено изъ рукъ мусульманскихъ: говоритъ-ли здѣсь Іоаннъ о себѣ, или о *христiанахъ подѣ туркомъ*. Не ново такимъ образомъ въ Россiи сознанiе гнета турокъ надѣ христiанами, не молоды потому и симпатiи Россiи къ христiанамъ Турцiи: наше опредѣленное отношенiе къ Турцiи ведетъ свою исторiю уже съ XVI вѣка, съ той минуты, когда стала собираться русская земля.

Мысль о «слобоженiи» турецкихъ христiанъ не подсказана Москвѣ отъ - внѣ; не занесли ее въ Москву ни казаки, ни чужаки. Сознанiе задачи Россiи въ дѣлѣ турецкомъ выработалъ въ государственныхъ людяхъ Москвы тотъ же здравый смыслъ, то-же родное пониманiе, охрана интересовъ русскаго народа, которое руководили Грознымъ, когда онъ утверждалъ въ отвѣтъ Посевину: «а о нашей вотчинѣ о лиолянской землѣ извѣщаемъ тебѣ, что издавна она отъ нашихъ прародителей, лѣта шесть тысячъ пятьсотъ осмаго, Ярославъ Кiевскiй и вся Русiя ходилъ на тое землю ратью, и плѣнилъ ихъ, и въ свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, тожъ и Дерптъ, и тое землю взялъ за себя, и отъ мѣсть (временъ) и до сѣхъ мѣсть та земля вотчина наша»²⁾. Или и эти государскiя историческiя права Россiи на балтiйское побережье вычитаны Іоанномъ изъ византiйскихъ лимонарiевъ, нѣмецкихъ курантовъ?..

Царь и цесарь, оба недруги бесерменскихъ государей, и вдругъ промежъ ихъ государства очучивается посаженникъ турецкаго салтана, т. е. васаль, Стефанъ Батура: онъ безчествуетъ Москву, задержавъ московскихъ пословъ, дерзко отсылаетъ перемирный договоръ. Какъ быть? Царь приговорилъ съ наследникомъ и боярами послать на-скоро гонца въ Римъ къ папѣ и цесарю: «ты бѣ Григорiй папа, пастырь и учитель римскiе церкви, и братъ нашъ дражайшiй Рудельъ цесарь были съ нами въ любви, и къ Стефану бѣ королю отъ своего пастырства приказалъ, чтобъ Стефанъ съ бесерменскими государя не окладывался и на кроворозитѣ крестьянское не сто-

---

¹⁾ Сношенiя Грознаго съ папою Григорiемъ XIII въ 1580 г. въ «Памятникахъ диплом. снош. др. Россiи съ державами иностр.» т. X, 11.

²⁾ ib. 154. 155.

яль... Какъ ты съ нами и Рудельъ цесарь и иные крестьянскіе государи противъ бесерменства во единачествѣ и въ добромъ согласѣ быти хотите, чтобъ намъ о томъ вѣдомо было¹⁾.

Не съ попрошайствомъ — съ когѣнопреклоненіемъ, шлетъ Грозный къ папѣ гонца Шевригина по дѣлу посаженника турскаго, а съ предложеніемъ государства, сознающаго свою нелишность въ системѣ европейской, даже гордаго сознаниемъ своего существованія: «буде у папы — сдзано въ памяти гонцу—иныхъ государей посланники или гонцы будутъ, за столъ однолично не ити, а говорити—посадить меня папа выше иныхъ, и язъ за столъ иду»²⁾. Такимъ языкомъ говорятъ лишь люди съ характеромъ, а не люди политическаго отзвука, приживалки.

Это было въ августѣ 1580. Черезъ годъ, въ іюль, возвратился Шевригинъ: папа шлетъ язовита Посевина къ Батуру, чтобъ на государа войною не ходилъ и крестьянскіе крови не розливалъ; папа, цесарь и венецейскій князь Николай съ турскимъ нынѣ въ перемирью и еще перемирью быть впередъ два года; угорскимъ королевствомъ третью владѣть цесарь, а турскій царь угорской земли владѣть двѣми доли; лежачею казною цесарь не богатъ; турскій и литовскій наряжается на угорскую землю. и на славунскую, чѣмъ цесарь владѣть³⁾.

Съ самимъ язовитомъ папа писалъ ясно: «съ турскимъ войны не ведеть, надобъ ему съ иными крестьянскими князи съодиначиться, да тѣхъ князей крестьянскихъ далеки сердца отъ турскаго и великими, тяжкими потребами обтяжены, и они не могутъ того доволно сдѣлать, чтобъ на того невѣрнаго воѣ крестьяне съодиначився за одинъ, и его потоптали»⁴⁾.

Вспомнимъ, что это было время кануна Вареломеевой ночи, время подготовленія 30-лѣтней войны. Прошло сто лѣтъ.

Отношенія въ зап. Европѣ измѣнились. Хоть салтанъ по старому владѣлъ двѣми доли угорской земли, и цесарь лежачею казною былъ не богатъ: но войны у католиковъ съ «еретикомъ» окончились побѣдою, князей крестьянскихъ сердца могли быть близки къ турскому салтану: настала пора подумать и о «схизматикѣ», не о войнѣ съ нимъ, но изъ-за него, хотя не для него. Когда-то царь напоминалъ папѣ объ единачествѣ, пред-

---

¹⁾ ib. 11. 12. Ср. ib. 76. ²⁾ ib. 14. 15. ³⁾ ib. 18. 20. 21. Да не тревожится: *угорскій* не выдумка славянофильствующаго слависта. ⁴⁾ ib. 81. 82.

лагалъ, чтобъ воѣмъ государямъ хрестьянскимъ стоять съ одного противъ невѣрныхъ хрестовыхъ враговъ на турецкого¹⁾): теперь съ тѣмъ же предложеніемъ и тѣже лица обращаются въ Москвѣ. Папа Иннокентій XI, цесарь Леопольдъ и венецїйскій князь Маркъ Джюстиніано въ одномъ союзѣ идутъ противъ салтана; въ этотъ союзъ приглашается и царь.

Уже при самомъ возникновеніи священнаго союза — въ договорѣ Леопольда и польскаго короля Яна Собѣскаго, было обращено вниманіе на Россію: «и та, и другая сторона — говорилось въ одной статьѣ договора — всячески озаботятся о приглашеніи въ этотъ союзъ свѣтлѣйшихъ царей московскихъ и умолятъ ихъ». 5-го августа 1684 года самъ папа писалъ царямъ: «воспримите убо высокіе цари и князи подъемъ, вашей силы и крѣпости достойны, ускорайте на побѣды, въ которыхъ непріятельскій поверженный чинъ и божественныя, яко чвяти лѣтъ, есть воли установленіе пространнѣйшій вамъ путь устлать зрѣтея»²⁾. А полугодомъ раньше читали въ Москвѣ письмо отъ дожа (16 февр.): «призванный отъ цесаря и короля польскаго воспріяти оружіе противъ отомановъ, яко свирѣпѣйшаго непріятеля хрестіанскаго, постановили союзъ и соединеніе войны. Чая должность нашу быти о нашемъ союзѣ достоинству в—го вел—ва учинить сообщеніе, яко *которому принадлежить счастливое благополучіе хрестіанства, на умноженіе оного же преславнѣйшихъ предковъ похваляющаго подражанія*»³⁾.

Въ послѣднихъ словахъ очевидный намекъ на ставшую уже традиціей политику Москвы въ вопросѣ о Турціи; видѣть лезть не позволяютъ наличные факты, о которыхъ отчасти была рѣчь выше.

Если кого другаго, то именно голосъ республики венецїанской долженъ былъ особенно цѣненъ въ Москвѣ. Ея дипломаты при вѣнскомъ дворѣ твердили неустанно, въ теченіи десятковъ лѣтъ, одну и ту же пѣсню: необходимо императору соединиться съ Россіей противъ Турціи, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали, хотя Леопольдъ или былъ вообще противъ войны съ Турціей, или, когда началась война Турціи съ Москвой, изъ-за религиозныхъ интересовъ не былъ на сторонѣ послѣдней⁴⁾.

---

¹⁾ Изъ письма папы къ Грозному, *ib.* 76. ²⁾ *ib.* т. VII, 554. ³⁾ *ib.* т. X, 1209. 1210.

⁴⁾ Ср. интересныя сообщенія венец. пословъ въ Вѣнѣ объ австрійской

Мы видѣли, что Москвѣ досаждалъ посаженникъ турецкій, Баторій; прежде чѣмъ предпринимать противъ Турціи, необходимо было обезопасить себя отъ опаснаго сосѣда: отсюда, естественно, политика, жизнь Москвы занята въ теченіе цѣлаго столѣтія польскимъ вопросомъ, когда попеременно брала то ихъ, то наша сторона. Но теперь при заключеніи тройственнаго союза, на престолѣ польскомъ сидѣлъ иной Стефанъ, не посаженникъ, а побѣдитель турокъ, и онъ впервые заключаетъ съ Москвой вѣчный миръ (1684), на который такъ сердятся современные поляки, обнадѣживъ ее, что и союзники короля, цесарь и иные, «по учиненномъ договорѣ противъ бусурманъ въ таковой же силѣ и мочи пребывать будутъ, въ каковѣ они (царь и король) нынѣ суть договорами обязаны, и не обослався съ турецкимъ салтаномъ и съ ханомъ къ миру не склонятся, и одному безъ другою миру не становити, но со своихъ сторонъ стоять, и отпоръ и промыслъ надъ ними наступательный и оборонительный чинити всѣми силами, какъ нынѣ есть, потамѣсть, дондеше у ц. в—ва и кор—аго съ тѣми бусурманами война и союзъ наступательно имѣтись будетъ»¹⁾.

Стремленія, болѣе, домогательства еще Грознаго исполнялись, по крайней мѣрѣ, въ своей первой части—объ единачествѣ. Москва приняла предложенія тройственнаго союза, образовавшагося подъ верховнымъ руководствомъ главы католическаго міра, приняла легко, потому что они отвѣчали и традиціонной политикѣ ея, и еще свѣжимъ воспоминаніемъ недавняго, но богатаго событіями ея политическаго прошлаго.

Отодвинутые эпохой междоусобія вопросы политики Іоанна Грознаго предстали снова, когда московское государство оправилось и окрѣпло хоть нѣсколько.

Погибавшее было государство, въ первой половинѣ XVII ст. необходимо должно было посвятить себя вопросамъ внутренней жизни; вопросы вѣншей политики благоразумно отводились до времени на сторону. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ рѣшенію собора 1642, отказавшаго донскимъ казакамъ въ присоединеніи взятаго ими Азова: не подъ силу была Москвѣ царя Михаила

политикѣ въ «Fontes rerum austriacarum» XXVII B.—«Die Relationen der Botschafter Venedigs im XVII Jahr». II. B. 52, 199, 232.

¹⁾ «Пам. дип. си.» т. X, 1213.

война съ Турціей, Москвѣ обобранной, захудалой. Турокъ еще крѣпко сидѣлъ въ Будѣ (Офенѣ), откуда рукой подать въ Вѣну; таскали иногда его, правда, за салды венеціане въ Морей и на островахъ, но сами же они предостерегали своихъ: «вѣрно, что чтобы выйти противъ этого ужасающей державы, чтобы противустоять противъ козней отомана, необходимо строгое пониманіе общей обороны, союза между императоромъ и республикой — пишетъ венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ своей синьорин въ 1685 году,—а на дѣлѣ одно соперничество одного государства съ другимъ... Постоянные успѣхи турокъ ведутъ неизбежно къ созданію новыхъ звѣньевъ въ цѣпи, заготовленной для порабощенія христіанства.. Неудавшееся прежде взятіе Вѣны можетъ удасться, а событіе это было бы роковымъ для цѣлаго христіанскаго міра» ¹⁾).

По иному пути пошла московская дипломатія послѣ Михаила, когда соединились снова объ Руси—старая и молодая, когда они вмѣстѣ громили свою старую немилостивую владычицу — Польшу. Черезъ соединеніе съ Малороссіей Москва придвинулась поближе къ Дунаю, къ христіанамъ турецкимъ, и географически, и политически.

Но что представляли изъ себя эти христіане? Различныя группы, съ различнымъ прошлымъ, положенныя судьбою другъ подле друга, но соединенныя, и то болѣе или менѣе, общою тяжкою участію въ настоящемъ.

Сейчасъ за малоросами Украины, Побужья и Подолья, на югоз. за Днѣстръ, шли валахи, румыны молдавскаго господства. Только межъ нижнимъ Днѣстромъ и Дунаемъ шелъ Буджакъ, старый Уголь, съ Бендерами, Бѣлгородомъ (Аккерманомъ) да съ татарами. На с. отъ Буджана земля была румынъ—недавнихъ колонистовъ края и орумынившихся малоросовъ и малоросовъ, бѣжавшихъ изъ польскаго хлопства. Монастыри здѣсь основывались бѣглецами, бѣглецы образовывали поселки²⁾. И наоборотъ, толпы волоховъ переходили на лѣвый берегъ Днѣстра въ Подолье, Побужье, ища пріюта отъ турокъ, послѣ каждой

---

¹⁾ «Fontes rerum austr.» см. выше, II, 101. 102: «... che potrà seguire un giorno all'espugnazione di Vienna, tentata indarno da Solimano nel secolo passato, il che succedendo per l'auuenire sarebbe fatale alla Christianità tutta».

²⁾ Ср. нашу «Записку о путешествіи по слав. землямъ» Од. 1874, 59 пр.

неудачной компаніи поляковъ. вмѣстѣ съ этимъ и Бесарабія, и Подолье были поприщемъ разбойничьей дѣятельности казаковъ и оказавшихся волоховъ. За Прутомъ была настоящая Молдавія, государство, находившееся въ фиктивныхъ васальныхъ отношеніяхъ къ польской коронѣ съ самого своего основанія (конецъ XIV в.), а съ XVI въ милости отъ турокъ. За ней шла по Дунай и Карпаты Трансильванія Угровлахія, Мултяны нашего дипломатическаго языка XVI, XVII ст. Мултяны были въ прямомъ подчиненіи у султана, когда турки заняли двѣ трети Венгріи, а въ княжествѣ трансильванскомъ, съ населеніемъ славянъ-автохтоновъ и румынъ, стали ставить своихъ посаженниковъ, выражаясь терминологіей Грознаго, «рабовъ своихъ», какъ называетъ ихъ венеціанская дипломатія позже¹⁾. Но Вѣна, не считавшая потерянными свои права на Венгрію, никогда не отказывалась полагаться—въ будущемъ — богатыми Мултянами. Лишь только австрійцы успѣли въ самомъ началѣ XVII ст. залѣзть на минуту въ Трансильванію, подъ ножомъ подкупленныхъ ими убійцъ падаетъ ихъ союзникъ валашскій, Михаилъ Храбрый (1601). Турки выгнали австрійца, но тѣже притязанія у турецкаго посаженника—вплоть до самаго Ракочи II, политическаго союзника Петра Великаго, но котораго Петръ тянулъ на престолъ Польши, а тотъ отмаживался и все твердилъ: «Молдавія и Валахія должны стать наследственными моими владѣніями, на правахъ государства»²⁾.

За Дунаемъ на югѣ—громадная страна, край болгарь. При недоброжелательствѣ со стороны своихъ сербскихъ братьевъ—сосѣдей на западѣ, при неизмѣнномъ стараніи послѣднихъ — прихватить болгарь подъ свою высокую, хотя и не желанную ими, руку, царство болгарское было безъ особеннаго труда захвачено турками на исходѣ XIV ст. (1394, 1398). Недоброжелательство, проявленное сербскимъ «княжествомъ» къ Болгаріи санъ-стефанскаго договора, не ново въ печальной хроникѣ жизни южныхъ славянъ: тоже завистливое чувство двигало и «царствомъ» Душана (XIV в.). Въ притязаніяхъ сербовъ (извѣстной части) къ болгарамъ, и старыхъ, и новыхъ, легко усмотрѣть картину близко знакомаго намъ, русскимъ,

---

¹⁾ «Fontes» 102: «con lo stabilimento dell Abaffi, loro schiavo».

²⁾ «Fontes rer. austr». 2. IX B. «Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's. I B. 304. Ср. ib 296. Подробнѣе объ этихъ планахъ Петра ниже.

посягательства «братевъ» поляковъ на землю русскаго народа: таже несчастная апелляція въ «историческимъ» правамъ, таже этнографическая фальсификація, тяжело осуждаемая наукой. За спиной у поляковъ погибло лянское славянство балтійскаго побережья; въ тылу у сербовъ—Герцеговина, Боснія, Далмація, искони сербскія земли, но о нихъ ужъ мечутъ жребій. Не достаетъ одного, чтобы и сербы, подобно полякамъ, призвали въ себѣ въ подмогу Провидѣніе¹⁾; о «цивилизованіи» нечего и говорить.

Тѣмъю старой государственной самостоятельности, послѣдней объединяющей силой были зависимая отъ Константинополя патріархія тѣрновская въ предбалканской Болгаріи; въ забалканской половинѣ отчасти такой силой была архіепископія, или патріархія первой Іустиніаны, въ стародавней столицѣ болгарской—Охридѣ, управлявшаяся греками, но автокефально, независимо²⁾. Въ Тѣрновѣ не погасала память о быломъ времени, здѣсь теплилась слабая надежда о свободѣ.

На сѣ. отъ болгаръ жили сербы. При князяхъ «властелей»—феодаловъ, губившихъ силу народа своими усобицами, при закрѣпощеніи массы народа, отдѣльныя земли переходили легко подъ власть турокъ въ концѣ XIV и въ теченіи XV столѣтій, а что не захватили турки, то забрали венеціанскіе торгаши, англичане стараго времени. Старая Сербія съ Призрѣномъ, Дечанами, съ патріархіей въ Печи (Ипекъ), потеряли прежде другихъ независимость; независимость сохраняло въ теченіи XV в. васальное деспотство Бранковичей въ Смедеревѣ (Семендрія) и Храничей въ Герцеговинѣ; боснійское королевство сектаторовъ—богомилловъ держалось дольше всѣхъ—до 1463 года, послѣ чего властели приняи исламъ и образовали сильную мусульманскую аристократію, но съ сербскимъ азыкомъ. Сельчане бѣгутъ то въ скалы Далмаціи, гдѣ образуютъ отчаянную общину ускоковъ—морлаковъ, то въ земли австрійскія (большин-

---

¹⁾ Извѣстный краковскій географъ Tatomir въ «Geografia i statystyka ziem dawnej Polski» (Крак. 1867) говорятъ—въ утѣшеніе: «Польша ищетъ себѣ границъ повсюду, но нигдѣ не можетъ утвердиться. Молодой народъ ищетъ своей дороги для своего развитія, но твердо еще не можетъ рѣшиться ни на одну; не хочетъ дать победы нѣмцамъ, но какъ-то инстинктивно клонится уже на востокъ, къ странѣ своей будущности» (119) Ср. о мирѣ 1684—142.

²⁾ Ср. Голубинскій «Очеркъ исторіи православ. церкви» 78 и слѣд.

ство нынѣшнихъ хорватовъ), то идутъ на службу въ сосѣдніе государства — особенно въ Венецію¹⁾.

Но масса оставшихся вѣрными православію сербовъ, перешедши во власть турокъ, не потеряла послѣдняго историческаго центра, переданнаго стариной: это самовольно созданная Душаномъ Великимъ сербская, національная патріархія въ Печи въ такъ наз. старой Сербіи. Патріархъ титуловался «архіепископъ сербскій и болгарскій и словенскій и всего Иллира западныхъ страны патріархъ». Епархія печовая «изъ давнихъ лѣтъ (говорю словами послѣдняго патріарха - бѣглеца Чарноевича русскому послу въ Вѣнѣ въ 1697 г.) состроена ититоры прежнихъ благоч. государей, царей греческихъ и сербскихъ, и отъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріарховъ грамотами ихъ опредѣлена особо и имѣетъ подъ собою подвластныхъ 12 митрополитовъ а нѣсколько епископовъ, а престолъ свой имѣли близъ Македоніи въ гор. Печѣ въ монастырѣ Вознесенія». Въ другомъ разсказѣ того-же тому-же прибавлено: «а выбираютъ они (патріархы) и поставляются своими подвластными митрополиты, и не святѣйшими вселенскими патріархы»²⁾. Патріархія продолжала существовать въ теченіе трехъ столѣтій послѣ гибели сербскаго царства, руководила, представляла народные интересы въ тяжелую годину рабства. Современные сербскіе историки любятъ принимать роль прокурора въ сужденіи о политикѣ печскихъ патріарховъ, особенно по отношенію къ послѣднему изъ нихъ, злополучному Арсенію III Чарноевичу: но, быть можетъ, не-сербы найдутъ въ Арсеніи, въ его дѣятельности, много мыслей блестящихъ, смѣлыхъ, а въ ошибкахъ — болѣе чѣмъ смягчающія обстоятельства. Горячая кровь мѣшаетъ холодному суду, а слабая доля славизма — широтѣ политическаго идеала.

Одна небольшая земля осталась цѣла отъ турецкаго погрома. Позже другихъ земель югославянскихъ обстоятельства привели ее въ непосредственныя сношенія, столкновенія съ русскимъ народомъ; долѣе другихъ она была безвѣстна Россіи и по своей крохотности: но по своей роли, по своему, всег-

---

¹⁾ Московскій посолъ въ Венеціи въ 1/2 XVII в. доноситъ: «а ратныхъ людей у него (князя венец.) на тѣхъ катаргахъ 900 человекъ, сербовъ и волоховъ и долматинскіе земли солдатъ». «Пам. дип. сн.» X, 1020.

²⁾ ib. VIII, 305, 114.

да вѣрному славянству, значенію въ политическихъ сношеніяхъ Россіи съ югомъ и всегда, и въ частности при Петрѣ Великомъ, она требуетъ теплаго вниманія. Эта земля — Черногорія. Прошло полтора вѣка послѣ Петра, но и нынче она та-же, высоко симпатическая для русскаго сердца Черногорія, беззавѣтная Черногорія Петра Великаго, славяне безъ косаго взгляда.

Прошлое ея не многословно, но весьма любопытно и въ исторіи славянской, и въ литературѣ.

Небольшая горная страна безплодныхъ каменныхъ скалъ, прорѣзываемая рѣкой Зетой на двѣ части, въ эпоху паденія сербскаго душанова царства представляла независимое княжество двухъ Зетъ, верхней и нижней, подъ управленіемъ властельскаго рода Балшичей. Въ концѣ XVII ст. Черногорія занимала пространство въ 10 миль въ длину (отъ Рисны до Скадрскаго—Скутаря—озера), состояла изъ 72 небольшихъ селъ и могла выставить въ поле до 15.000; но не смотря на свою миниатюрность, «Цѣрна Гора ломна» (скалистая — эпитетъ ея въ пѣсняхъ) была всегда внушительнымъ для турокъ убѣжищемъ послѣдней сербской свободы. Родъ Балшичей правилъ княжествомъ не долго: уже въ 1427 г. его смѣнилъ Стефанъ Черноевичъ. Но и Черноевичи правили не долго: въ 1499 г. послѣдній, Юрій V, оставилъ Черногорію и переселился въ Венецію. Онъ былъ женатъ на венеціанкѣ и былъ принятъ предъ тѣмъ въ число венеціанскихъ нобилей. Княженіе его знаменательно основаніемъ въ Цетиньѣ славянской типографіи, откуда вышли два драгоценные памятника первой славянской печати: октоихъ въ 1493 г. и псалтырь въ 1495 (за два года, въ 1491, вышла первая кириловская книга въ Краковѣ). Буквы были рѣзаны въ Венеціи, но типъ ихъ весьма напоминаетъ печать петровскаго времени. Можетъ быть, въ реформѣ славянскаго шрифта Петра участвовала черногорская печать славянскихъ инкунабулъ: славянское преданіе освящало бы нововведеніе.

Съ удаленіемъ Черноевича въ Венецію прекращается княжеское или господарское достоинство въ Черногоріи, и начинается единственное въ исторіи славянъ бюрократическое управленіе въ лицѣ перваго митрополита — «владыки», Вавилы. 14 владыкъ смѣнилось въ теченіе двухъ вѣковъ (1499 — 1695), и это время было періодомъ геройской борьбы кучки сербовъ — черногорцевъ съ турками, находившимися тогда на верху